

А. Шемшурин

**Стихи В. Брюсова и русский
язык**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Шемшурин**
Стихи В. Брюсова и русский язык / А. Шемшурин – М.: Книга по Требованию,
2024. – 152 с.

ISBN 978-5-518-00144-2

ISBN 978-5-518-00144-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Тѣ, которые надѣются найти въ моей книжкѣ обычный критическій разборъ стихотвореній, къ сожалѣнію должны будутъ разочароваться съ самаго начала, такъ какъ моя работа не оправдываетъ ихъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что я рассматриваю стихи В. Брюсова только съ одной узкой спеціальной точки зрѣнія, только въ отношеніи ихъ къ русскому языку, какъ читатель долженъ былъ уже видѣть по заглавію. Между тѣмъ стихи, да и всякое произведеніе искусства вообще,—явленіе сложное, а не простое. При этомъ большинство составныхъ частей этого сложнаго явленія имѣетъ такой характеръ, что по каждой отдѣльно взятой части нельзя дѣлать заключенія о цѣломъ. Мы знаемъ, на примѣръ, что по шрифту и общему виду книги можно догадываться о времени написанія этой книги, но ни одинъ благо-разумный человѣкъ не рѣшится утверждать, что шрифтъ и общій видъ книги могутъ служить надежными руководителями въ рѣшеніи вопроса: давно написана книга или недавно? Старая книга можетъ быть напечатана новымъ шрифтомъ и новая старымъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и относительно идей книги, ея слога и т. п. Только очень разностороннимъ анализомъ можно достигнуть правильнаго отвѣта на вопросъ, когда и кѣмъ написана извѣстная какая-нибудь книга. Но если отвѣтъ на такой сравнительно легкій вопросъ требуетъ осмотрительности и осторожности, то тѣмъ больше вниманія и всесторонняго освѣщенія должно тратиться на ту работу, которая составляетъ содержаніе критики художественныхъ произведеній. Никогда разсмотрѣніе одной какой-нибудь части стихотворенія, картины, романа и т. п. не можетъ служить указаніемъ недостатковъ или достоинствъ всего стихотворенія, всего романа, всей картины, т. е. самаго произведенія искусства. Можно, на примѣръ, доказать, что образы въ произведеніи какого-нибудь поэта—очень хороши, но это доказательство нимало не будетъ говорить о томъ, что стихи этого поэта—хороши; они могутъ, конечно, быть и очень хорошими, но они могутъ быть и тяжелы, неуклюжи, они могутъ походить на прозу какого-нибудь научнаго сочиненія. Наоборотъ, поэтъ можетъ обладать легкостью и изяществомъ стіля, но его образы будутъ ничтожны. Наконецъ, слогъ, идеи и образы какого-нибудь писателя могутъ быть очень приличными, но его произведенія все-таки плохо будутъ скрывать ограниченность его поэтического дарованія. Повторяю, только глубокой, всесторонней анализъ можетъ называться критикой въ настоящемъ смыслѣ, все же остальное, ка-

Необхо.
мое пре
прежде
недогад
ваго чи
теля.

сающееся разбора отдѣльных частей художественнаго произведенія— должно быть не критикой, а лишь матеріаломъ для критики. Не думаю, чтобы нужно было доказывать, что это не одно и то же. Тотъ, кто видитъ шебень и известку, но не имѣетъ понятія о сводахъ Монье, никогда и представить себѣ не можетъ, на что можетъ быть употребленъ подобный разрозненный матеріалъ, какую крѣпость и легкость дать онъ бетоннымъ сводамъ. Точно такъ же и обозрѣватель критическихъ матеріаловъ, подобныхъ моему, не долженъ полагать, что матеріалъ, предназначенный для критики въ будущемъ, дать именно тѣ результаты, которые кажутся обозрѣвателю единственно возможными, какъ логическій выводъ изъ извѣстныхъ посылокъ. Помимо того, что критическій геній можетъ совершенно неожиданно обратить матеріалы, имѣющіеся у него подъ руками, въ такое подспорье, о которомъ изслѣдователю, доставившему этотъ матеріалъ, и не снилось даже, что называется,—помимо этого, матеріалъ, взятый изъ литературныхъ изысканій, можетъ быть примѣненъ, какъ доводъ, въ какой-нибудь филологической работѣ, доказывающей, на примѣръ, гениальность своеобразнаго пониманія г. Брюсовымъ русскаго языка.

Вотъ почему я прошу читателя не видѣть въ моемъ изслѣдованіи критики, а лишь скромныя изысканія въ узкой, ограниченной и скучной области чтенія литературныхъ произведеній—въ словолониманіи.

Кромѣ этого настоятельно важнаго предупрежденія, необходимо прибавить еще, что если бы кто не захотѣлъ отнестись къ моей работѣ такъ холодно и безразлично, какъ я того желалъ бы, то результаты моихъ изысканій, въ сущности, ни къ чему не обязываютъ тѣхъ, кто съ ними согласится. Какъ извѣстно, удовольствіе отъ чтенія стиховъ слагается не изъ одного только словопониманія. Поэтому, если бы даже мнѣ и удалось установить, что г. Брюсовъ понимаетъ, очевидно, свои стихи не такъ, какъ они понимаются на русскомъ языкѣ, то это ни о чемъ бы другомъ не говорило, конечно, какъ только о самомъ фактѣ появленія въ русской литературѣ изслѣдованія, для котораго стихи г. Брюсова послужили объектомъ. Впрочемъ, и то нужно сказать, что я ничуть не претендую доказать своей работой только-что выраженную мысль о пониманіи г. Брюсовымъ русскаго языка какъ-то «по-другому»,—можно считать, что мысль эту я сказалъ «такъ»—для примѣра. Вотъ, другое бы дѣло, если бы мои изысканія были помѣщены какъ доказательство бездарности поэтовъ, пишущихъ съ уклоненіемъ отъ обычнаго словопониманія,—ну, тогда, конечно, всякому, согласившемуся съ главнымъ положеніемъ, что писать на каждомъ языкѣ должно такъ, чтобы люди, говорящіе на этомъ языкѣ, все написанное могли понимать въ такомъ именно смыслѣ, какой хотѣлъ выразить чело-вѣкъ, писавшій извѣстную мысль,—то всякому согласившемуся съ этимъ основнымъ положеніемъ, придется, конечно, согласиться и съ послѣдствіями, т.-е. признать бездарности поэтовъ, пишущихъ съ обнаруженными мною ошибками въ словопониманіи.

Но какъ ни заманчива перспектива написать такой одухотворенный общей идеей критическій трудъ,—я все же воздержался отъ него, и моя работа—одно лишь кропанье въ словахъ, въ предлогахъ, въ созвучіяхъ. Это—нудный и скучный анализъ выражений, казавшихся мнѣ сомнительными, неясными, сбивчивыми и неточными. Читатель увидитъ далѣе, что я вовсе и не настаиваю на безусловной вѣрности моихъ выводовъ. Если я иногда скажу что-нибудь рѣзкое и чересчуръ ужъ утвердительное, то

я заранѣе извиняюсь и заявляю, что я всегда готовъ первый признать ошибку скорѣе у себя, чѣмъ у разбираемаго мною поэта. Чтобы не было прискорбныхъ недоразумѣній, мнѣ необходимо хорошенъко объяснить недогадливому читателю, что отмѣчаемая мною ошибки въ словопониманіи русской рѣчи—вовсе не ошибки г. Брюсова, а ошибки читателя его стихотвореній. Г. Брюсовъ всегда можетъ отвѣтить, что разбираемое мною выраженіе онъ понимаетъ въ выгоднѣйшемъ для стиха смыслѣ: — поэтому-то и нельзя говорить, что г. Брюсовъ ошибается въ словопониманіи. Потому мое словопониманіе есть словопониманіе среднихъ людей, и привычки этого словопониманія не обязательны для самого поэта и для избранныхъ натуръ. Волей-неволей, мнѣ приходится раскланиваться и говорить: «Извините, что я къ вамъ зашелъ...» И вотъ я стараюсь указать въ сторону читателя и говорю, что, читая стихотворенія г. Брюсова, средній человекъ можетъ ошибиться. Но я долженъ сознаться, что въ увлеченіи работой я не всегда бываю остороженъ, и мои доказательства иногда, помимо моей воли, облекаются въ такіе обороты рѣчи, что выходятъ, будто бы я приписываю ошибку г. Брюсову, а не читателю. Для исправленія такихъ оговорокъ я не могъ ничего придумать, какъ заявить и въ этомъ предисловіи и, позднѣе, въ заключеніи, что мои намѣренія были самыя благія, и я ихъ прошу считать таковыми, несмотря на то, что мнѣ не удалось выдержать до конца ихъ стиль. Для меня весьма нужно, чтобы у читателя, по просмотрѣ большого количества ошибокъ въ стихахъ г. Брюсова, не оставалось впечатлѣнія, что у г. Брюсова наблюдается полнѣйшее отсутствіе чутья къ тому языку, на которомъ онъ вздумалъ писать стихи. Я былъ бы больше удовлетворенъ, если бы мнѣ удалось оправдать смущеніе средняго читателя, котораго поэтъ лишилъ возможности понимать стихи свои такъ, какъ самъ поэтъ ихъ понимаетъ. Конечно, раза три-четыре мнѣ удастся блестящимъ образомъ доказать заблужденія и самого г. Брюсова въ пониманіи русскаго языка, но, само-собой разумѣется, такимъ пустякамъ я не придаю серьезнаго значенія.

И такъ, я прошу читателя помнить во время чтенія: 1) что основаніемъ моего труда служить обыкновенное пониманіе русскими людьми своего роднаго языка, 2) что меня не интересуеетъ въ этой работѣ отношеніе поэта къ этому пониманію и, наконецъ, 3) что я разбираю случайности и совпаденія въ поэтическомъ калейдоскопѣ словъ, выраженій и понятій. Я смотрю въ стеклышко калейдоскопа не воспаленнымъ, огненнымъ взоромъ поэта, а простымъ, обыкновеннымъ глазомъ.

Теперь, когда я долженъ приступить къ самому изложенію предмета настоящей работы, мнѣ хочется для болѣе яснаго развитія моихъ послѣдующихъ мыслей еще и дальше использовать случайно ворвавшееся въ цикл моихъ идей сопоставленіе глаза и обычнаго словопониманія. Я считаю необходимымъ обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство, которое всѣ хорошо понимаютъ, но надъ которымъ обыкновенно рѣдко кто задумывается. Это обстоятельство—правильность рѣчи людей необразованныхъ. Но я не хочу указать на эту правильность, какъ на нѣкотораго рода православіе, непогрѣшимость или что-нибудь подобное. Можетъ-быть, конечно, когда-нибудь я и выскажу мое удивленіе и уваженіе русскому простоплюдину за его чуткость къ родному языку,—однако въ настоящемъ случаѣ я указываю на правильность такъ-называемой

народной рѣчи не съ этой цѣлью. Мнѣ нужно объяснить, что нашей рѣчью, вообще, управляютъ законы, часть которыхъ изложена для образованныхъ людей въ грамматикѣ. Что законы эти существуютъ помимо нашего сознанія и воли, доказывается именно правильностью рѣчи простыхъ людей, которые, не зная грамматики, все же говорятъ правильно и вѣрно. Аналогія между аппаратомъ нашей рѣчи и глазомъ всего ярче выясняетъ мою мысль. Какъ извѣстно, глазъ человѣка воспринимаетъ впечатлѣнія съ самаго начала не такъ, какъ они доходятъ до мозга подъ конецъ процесса воспріятія. Мы знаемъ, что предметы отражаются на сѣтчатой оболочкѣ кверху ногами; мы знаемъ, что часть видимаго нами попадаетъ на слѣпое пятно; мы знаемъ, что ясность зрѣнія зависитъ отъ извѣстнаго положенія хрусталика и напряженія мышцы, держащей его; мы знаемъ, наконецъ, что путемъ упражненій и привычки зрительный аппаратъ нашъ достигаетъ такого совершенства и ловкости, что при каждомъ зрительномъ воспріятіи въ глазу происходятъ особаго рода манипуляціи, которыя совершенно незамѣтно для насъ самихъ дѣлаютъ изъ нашихъ зрительныхъ впечатлѣній то, что мы называемъ «правильнымъ зрѣніемъ». Въ нашъ вѣкъ особенно тонкихъ людей, людей уже чувствующихъ, куда клонится моя рѣчь, и потому выдвигающихъ уже рефлекторъ сомнѣнія, чтобы при свѣтѣ его удобнѣе высказаться относительно «правильности» всего происходящаго на Божьемъ свѣтѣ,—я долженъ сказать, что я заранѣе соглашаюсь съ мнѣніемъ объ условности всего «правильнаго». Я согласенъ, что, можетъ быть, дѣйствительно правильнѣе бы было видѣть предметы по настоящему, кверху ногами, а тѣ части, которыя попадаютъ на слѣпое пятно, совсѣмъ не видѣть. Это очень любопытная мысль, но, къ моему большому сожалѣнію, настоящая работа написана въ кругу обыденныхъ идей, окружность котораго ни разу не была перейдена. Да. Здѣсь была взята такая точка зрѣнія, при которой не принималось въ расчетъ сомнѣніе въ условной вѣрности явленій природы.

И такъ, совершенно независимо отъ воли и сознанія человѣка, зрѣніе его подчиняется особымъ законамъ, часть которыхъ, подобно грамматическимъ законамъ, изложена для образованныхъ людей въ книгахъ. Законамъ этимъ, какъ и вообще законамъ природы, нѣтъ никакого дѣла до записей оптики, механики и физики. Обращаю на это особое вниманіе читателя. Наука только наблюдаетъ законы, но не предписываетъ имъ образъ ихъ дѣйствій. Однако, въ случаѣ болѣзни и неисправности глазнаго аппарата, мы пользуемся именно этими самыми законами для того, чтобы опредѣлить, въ какую сторону произошло отклоненіе отъ обычной нормы явленій, и чѣмъ именно слѣдуетъ объяснить ненормальность.

Аппаратъ рѣчи находится въ такихъ же условіяхъ. Во время дѣйствія его, у насъ происходитъ машинальная быстрая механическая работа... Все это совершенно понятно, но, тѣмъ не менѣе, я все же позволю себѣ нѣсколько распространиться и привести простой примѣръ, доказывающій, что всякое неправильное примѣненіе слова, т.-е. нарушеніе законовъ рѣчи,—рѣжетъ нашъ слухъ, независимо отъ того, знаемъ мы или нѣтъ тѣ законы, которые нарушаются ошибкою.

Простой, необразованный человѣкъ, когда слышитъ неправильное употребленіе слова, какъ извѣстно, смѣется, но не можетъ объяснить, почему нельзя сказать, напримѣръ, вмѣсто «я пришелъ»—«моя пришла».

Полуобразованному человѣку потребуется произвести довольно продолжительный анализъ, чтобы вспомнить грамматическую разницу между мѣстоименіями и родами мужскимъ и женскимъ. Но всѣ, конечно, понимаютъ, что образованному человѣку нужно всего двѣ минуты, чтобы указать, въ чемъ дѣло, какіе именно законы рѣчи нарушены были говорившимъ. Однако эти грамматическіе законы, которыми воспользуется образованный человѣкъ, будутъ взяты имъ не изъ какого другого мѣста, какъ изъ жизни того самаго языка, на которомъ съ такимъ совершенствомъ говорить необразованный человѣкъ, не знающій этихъ законовъ и не подозрѣвающій объ ихъ существованіи. Эти законы живутъ и дѣйствуютъ въ его аппаратѣ словопониманія такъ же, какъ въ его глазу живутъ и дѣйствуютъ законы зрѣнія, законы оптики. И вотъ, какъ ни скромнѣе этотъ примѣръ, какъ ни скромна въ немъ борьба двухъ мѣстоименій, но этого совершенно достаточно, чтобы увидѣть въ аналогичномъ случаѣ затрудненія образованнаго человѣка—дѣйствіе непонятныхъ малоизвѣстныхъ, но важныхъ и существенныхъ законовъ языка. Я думаю, что найдется очень мало образованныхъ людей, которые, услышавъ вмѣсто «я видѣлъ красный домъ»—«я видѣлъ красенъ домъ»,—будутъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ простолюдинъ, смѣющійся надъ «моя пришла». Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, что «добръ человѣкъ»—выраженіе болѣе употребительно въ наше время, чѣмъ «добръ отецъ», «добръ сынъ». Можно легко подыскать такой случай, когда очень складно выйдетъ, если сказать на вопросъ, кто принесъ, напримѣръ, эту книгу: «Да, тутъ, одинъ добръ человѣкъ». Но сколько мы ни будемъ биться, намъ никогда не удастся найти такую форму, гдѣ бы къ слову да ма можно было поставить прилагательное добръ въ старинномъ оборотѣ: «добра дама». Мы можемъ предложить нѣсколько объясненій, можетъ-быть мы найдемъ среди-нихъ и вѣрное, но когда перейдемъ дальше въ область неопредѣленнаго и неяснаго, то сходство наше съ необразованнымъ человѣкомъ будетъ увеличиваться все больше и больше и, наконецъ, дойдетъ до полнаго тождества. Я сейчасъ приведу примѣры, но прежде закончу мысль, которую мнѣ такъ настойчиво хочется выразить. Когда мы очутимся въ безвыходномъ положеніи, вслѣдствіе незнанія законовъ словопониманія, мы, тѣмъ не менѣе, увидимъ, что законы эти если мы и не знаемъ, то мы ихъ чувствуемъ. Чувствуемъ ихъ такъ же, какъ простолюдинъ чувствуетъ извѣстныя намъ правила грамматики. И вотъ это наше состояніе въ отношеніи словопониманія я назвалъ бы чуткостью къ языку.

Обратимся теперь къ примѣрамъ. Какъ извѣстно, имена существительныя въ отношеніи единственнаго и множественнаго чиселъ дѣлятся на три рода: во-первыхъ, на имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ, во-вторыхъ—на употребляющіяся только въ единственномъ и, въ третьихъ, на употребляющіяся и въ единственномъ и во множественномъ числахъ. Примѣръ существительныхъ въ одномъ множественномъ числѣ: щипцы, ворота, сани, дрова, похороны. Примѣръ одного единственнаго числа: золото, серебро, пламя, утварь, мука, ропотъ, топотъ. Примѣръ единственнаго и множественнаго: поле, скамья, село. Теперь поднимается вопросъ: можно ли изъ существительныхъ, имѣющихъ одно число, дѣлать существительныя съ двумя числами? Почему, напримѣръ, можно изъ существительнаго «вселенная», имѣющаго по логикѣ одно единственное число, можно сдѣлать совершенно правильно

множественное «вселенная», но почему изъ «мука» нельзя, даже несмотря на разрѣшеніе грамматики, сдѣлать «муки». Грамматика, какъ извѣстно, позволяетъ для обозначенія сорта дѣлать множественное изъ единственного, напримѣръ: соль — соли, масло — маслѣ. Почему будетъ смѣшно сказать: у торговца продаются разныя муки: пшеничная, ржаная? Но, съ другой стороны, почему уже не смѣшно, а только неловко дѣлается, когда кто-нибудь скажетъ: я слышалъ разныя пѣніи? Ниже читатель найдетъ довольно примѣровъ такой неопредѣленности въ ошибкахъ, пока же что у насъ налицо сейчасъ вопросъ о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ быть съ единственнымъ и множественнымъ числами, если классификація грамматики такъ неожиданно нарушается? Мы видимъ, что дѣйствительно есть такія сомнительныя слова, которыя никакъ не узнаешь, — имѣютъ они другое число, или нѣтъ. Я не хочу предложить никакого новаго правила для того, чтобы помочь въ этомъ затрудненіи, но я отмѣчаю наличность самаго затрудненія. Тамъ, гдѣ грамматика намъ помогаетъ, мы, конечно, чувствуемъ себя героями, но когда сталкиваешься съ чѣмъ-то незаписаннымъ въ грамматикѣ, когда чувствуешь себя не совсѣмъ хорошо, слыша какое-то странное словоупотребленіе, возникаетъ вопросъ, въ чемъ дѣло: или у тебя словопониманіе не въ порядкѣ, или у автора? И вотъ, тогда для объясненія своей странности, своей ненормальности, или, если хотите, ненормальности у автора странныхъ оборотовъ, приходится представить себѣ грамматическую классификацію именъ существительныхъ въ такомъ искусственномъ видѣ. Представьте себѣ скалу для именъ существительныхъ: на одномъ концѣ такой скалы помѣщаются существительныя, употребляющіяся только въ единственномъ числѣ: золото, мѣдь, а на противоположномъ — только во множественномъ, какъ шипцы, сани. Средина скалы будетъ занята существительными, легко принимающими и множественное и единственное числа. Промежутки между серединой и концами должны будутъ заполниться словами, близкими или къ единственному, или ко множественному числу. Какъ я понимаю русскій языкъ, къ концу единственного числа будутъ приближаться и стоять недалеко отъ серебра и золота слово «звяканье», нѣсколько дальше отъ конца такія сомнительныя слова, какъ «пѣніе», еще дальше слова специализировавшіяся: шумъ — шумы, говоръ — говоры, соль — соли и т. д. Точно такъ же размѣстятся слова и на другомъ концѣ. Около «шипцовъ» помѣстятся «хоромы», дальше въ срединѣ «будни», еще дальше «очки» и т. д. Надѣюсь, что никто не подумаетъ, что я считаю описанную мною скалу нѣкоторою реальностью или безусловнымъ грамматическимъ правиломъ, если я скажу, что знаніе такой скалы будетъ свидѣтельствовать о знаніи языка, о чуткости къ нему. Мы можемъ всегда узнавать, насколько кто-нибудь изъ насъ чутокъ къ тонкостямъ словопониманія, когда почувствуемъ, изъ какого мѣста скалы беретъ говорящій съ нами свои существительныя для образованія множественнаго или единственного числа. Если кто-нибудь будетъ ошибаться, то мы сейчасъ же почувствуемъ ошибку и узнаемъ даже насколько она груба, такъ какъ знаніе скалы именъ существительныхъ, знаніе лежащее въ основѣ нашего словопониманія, укажетъ намъ и ошибку и мѣсто, откуда взято существительное съ грубою формой множественнаго или единственного числа. Мы всегда почувствуемъ, далеко или недалеко стоитъ существительное отъ концовъ скалы. И вотъ тогда мы будемъ въ правѣ заключить, что чуткость автора по отношенію образованія множественнаго числа болѣе чѣмъ сомнительна.

Теперь посмотримъ, какъ примѣняется только что сказанное къ стихотвореніямъ г. Брюсова. Въ сборникѣ «Пути и Перепутья» въ стихотвореніи «Летучая мышь» встрѣчается такая строчка:

Образован
множестве
наго числа
г. Брюсова

Всѣ шумы исчезнуть въ объ-
ятѣи».

Нѣсколько выше я напомнилъ читателю о слѣланномъ русскою грамматикою наблюдениі, что языкъ допускаетъ образованіе множественнаго числа изъ существительныхъ съ однимъ-единственнымъ для обозначенія сорта, или, какъ я назвалъ это новое словообразованіе, «слова для специализировавшихся понятій». Существительное «шумъ» имѣетъ одно только единственное число, но въ медицинѣ для классификаціи звуковъ, слышимыхъ въ сердцѣ, употребляютъ выраженіе «шумы». Какъ образчикъ другого такого специализировавшагося понятія, укажу на существительное «говоръ». Употребляемое во множественномъ числѣ, это существительное имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ существительное единственнаго числа. «Говоры»—значить разныя нарѣчія въ какомъ-нибудь языкѣ: сѣверное, восточное нарѣчія. Что было бы, если бы поэтъ сказалъ: «подходя къ двери, я услышалъ, какъ замолкли говоры въ комнатѣ»? Могли бы мы допустить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ исключительной тонкостью слуха у автора, который на ходу уже разбираетъ, что разговаривающіе—уроженцы разныхъ губерній? Мнѣ кажется, что для составленія себѣ понятій о такомъ исключительномъ явленіи, одного анализа фразы—мало, и авторъ поступилъ бы благоразумнѣе, и мы бы имѣли больше основаній, если бы онъ построилъ фразу иначе и о своемъ исключительномъ дарѣ заявилъ бы намъ какъ-нибудь особенно. Поэтому въ упоминаемомъ случаѣ одно только мы должны предположить, всего вѣроятнѣе,—это то, что авторъ не знаетъ правъ слова «говоры» въ русскомъ языкѣ.

въ томъ же сборникѣ, на страницѣ II, въ стихотвореніи «Въ старомъ Парижѣ»:

Здѣсь слышала стоны и звя-
канья шпаги».

Если я ударю шпагой о шпагу одинъ разъ, то никто изъ говорящихъ на русскомъ языкѣ не скажетъ, что онъ слышалъ «звяканье шпаги». Всѣ скажутъ, что шпаги звякнули. Когда же я повторю ударъ шпаги о шпагу нѣсколько

разъ, то тогда всё скажутъ, что было слышно звѣканье шпаги. Звѣканьемъ называется послѣдовательное повтореніе ударовъ металлическихъ предметовъ одинъ о другой. У специалистовъ понятіе о звѣканьи шпагъ не дифференцировано, и я не думаю, чтобы поэтъ, игнорируя особенность русскаго языка не давалъ множественнаго числа тѣмъ существительнымъ, которыя выражаютъ продолжительность дѣйствія (суетня, стукотня, хлопанье),—чтобы поэтъ хотѣлъ обратить наше вниманіе на свой особенно тонкій слухъ, позволяющій ему различать разницу въ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ звукахъ. Еще разъ повторяю, на мой взглядъ, для подобной цѣли было бы благоразумнѣе сказать что-нибудь болѣе рѣшительное и опредѣленное, чѣмъ маленькій темный намекъ, больше наталкивающій мысль на предположеніе объ ошибкѣ, чѣмъ на удивленіе передъ исключительнымъ даромъ Божиимъ. Однако, что же спорить,—конечно, я согласенъ, что каждый дѣйствуетъ, какъ ему нравится. И если г. Брюсовъ считаетъ намекъ совершенно достаточнымъ, то это его воля. Можетъ-быть, онъ и правъ: поэзія—это такое тонкое искусство, что излишняя опредѣленность только вредитъ дѣлу, а не пособляетъ.

Дальше я уже не буду останавливаться такъ подробно на приводимыхъ примѣрахъ, ограничусь указаніемъ на слѣдующія мѣста.

Въ томъ же сборникѣ:

Стр. 38. Идеаль, 4.

Въ открытыхъ просторахъ
ихъ дѣвственныхъ грезъ

Стр. 93. Флоренція Декамеронъ.

Среди земныхъ красоть, земныхъ величій

Стр. 147.

Отдѣлъ названъ «Прозрѣнія».

Стр. 148.

Стихотвореніе озаглавлено: «Въ дни запусѣній».

Стр. 150. Брань народовъ.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнетъ пышности порфирь,

Въ словѣ пышности винительный падежъ множественнаго числа кажется родительнымъ единственнаго и вниманіе

стр. 159. Устой.

То кто готовъ отвергнуть миги

стр. 179. Царь сѣвернаго Полюса, III:

Дни проходятъ словно дымы

стр. 194. Замкнутые, II:

Обрядъ застывшій въ пышностяхъ старинныхъ

напрягается въ ожиданіи встрѣтить дальше какое-нибудь слово, относящееся къ пышности. Напримѣръ: пышности обманъ, пышности прелесть. Насколько выгодно поэту такое бесполезное напряжение мысли читателя, мы будемъ имѣть случай разобрать при болѣе серьезныхъ случаяхъ.

Я, конечно, очень мало понимаю въ стихахъ, и потому, если и рѣшаюсь высказать мое недоумѣніе, то не въ укоръ поэту, а исключительно какъ недоумѣніе одного изъ читателей. Чему, собственно, мѣшало бы существительное пышность, если бы оно было взято въ обычномъ его видѣ, т.-е. въ единственномъ числѣ? Что прибавило множественное число въ эти стихи:

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ,
то пустынныхъ.

Въ однѣхъ все статуи, картины и рѣзба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ
старинныхъ,

Безмысленно пустая ворожба!

Я понимаю, если бы было сказано: «Обряды, застывшіе въ пышностяхъ старинныхъ», т.-е., моль-де, у каждаго обряда поэтъ различаетъ особую какую-то пышность, несмотря на то, что «пышность» есть обозначеніе извѣстнаго качества, какъ мокрота и сухость.

Но поэтъ взялъ «обрядъ» въ единственномъ числѣ и потому непонятно, какой ущербъ понятію былъ бы, если бы сказать:

Обрядъ, застывшій въ пышности старинной,

вмѣсто:

Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ.

Я слыхалъ, что поэты прибѣгаютъ къ разнымъ поворотамъ фразы и измѣненіямъ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣма и размѣръ не даются имъ, но я не рѣшусь утверждать, что здѣсь «пышности»

Стр. 199. Замкнутые, IV:
Загораются странные свѣты
Стр. 200, тамъ же:
И вдругъ все мертво и пустынно,
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Стр. 194. Замкнутые, I:
Въ музейхъ запертыхъ, въ тор-
жественномъ покоѣ,
Хранились бережно останки ста-
рины:
Одежды, утвари, оружіе былое...

Стр. 141, Грядущіе гунны. Изъ
сборника «Вѣнокъ»:
На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ становій—

появились не отъ тонкости поэта въ пониманіи различій, а отъ безсилія его въ стихосложеніи.

Я просматривалъ записанныя Далемъ выраженія, относящіяся къ слову свѣтъ. Выраженій записано очень много, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ свѣта во множественномъ числѣ. Однако, я вспомнилъ, что есть старинное русское выраженіе со словомъ свѣтъ во множественномъ числѣ: «Батюшки свѣты!» Но одно ли и то же означаютъ «свѣты» и «свѣтъ» — не знаю.

Если есть, по Брюсову, одежда и одежды, утварь и утвари, то должно быть и оружіе и оружія. Далѣе, если поэтъ въ числѣ останковъ старины упоминаетъ оружіе, а не оружія, то я въ правѣ предположить, что одеждъ въ музейхъ хранилось много, а оружіе какое-то одно: сабля одна, что ли, тамъ. Между тѣмъ какъ обыкновенно въ музейхъ больше всего бываетъ оружія, чѣмъ одеждъ. Положимъ, это къ дѣлу не относится: въ томъ городѣ, про который рассказываетъ поэтъ, могло все быть и не такъ, какъ въ нашихъ городахъ. Однако, какъ ни будетъ страненъ какой-нибудь городъ, но все же подъ существительнымъ «утварь» слѣдуетъ понимать не одну тарелку или чашку, а множество предметовъ, обслуживающихъ обиходъ жизни человѣка; будь онъ татаринъ, негръ, европеецъ, азіатецъ — все равно: его посуда, убранный и наряды будутъ представлять изъ себя то, что называется утварью, какъ и сами обладатели утвари будутъ представлять то, что называется человѣчествомъ. Человѣчество не можетъ быть во множественномъ числѣ — этого даже и г. Брюсовъ не слѣдуетъ, — точно такъ же не будетъ и утварь во множественномъ числѣ, потому что утварь уже сама множественна.

У Даля записано: «становѣй».

(Встрѣчающіяся въ моей книгѣ ссылки на толковый словарь Даля не слѣдуетъ понимать, какъ указаніе на высокой авторитетъ или какъ на что-то непогрѣшимое, православное. Цѣнность согатствъ, собраныхъ Далемъ, конечно, относительна. Отсюда слѣдуетъ, что ссылки мои имѣютъ характеръ доводовъ, сопровождаемыхъ обыкновенно выраженіемъ «между прочимъ».)